

Литературная композиция

«Перелистывая страницы жизни и творчества И.А. Гончарова»

В 1912 году – в год 100 – летнего юбилея Гончарова – в отношении Гончарова в прессе был в ходу заголовок “Загадочный писатель”, сообщалось, что “Новейшая критика говорила о нем лишь при случае <...>, наука <...> не ввела его в круг своих изысканий” (Н. Котляревский); “литература о Гончарове бедна, как литература о третьестепенном писателе” (А. Измайлов); “мы его еще совсем не знаем” (Б. Эйхенбаум).

До 90-х годов 20 века литературная критика подавала Гончарова как старомодного писателя – реалиста, чье творчество представляет лишь исторический интерес. Произошло охлаждение читающей публики к произведениям писателя.

В последнее десятилетие новые переводы и инсценировки произведений Гончарова появились в Германии, Франции, Италии, США, Японии, Китае; увеличилось количество исследований в России и за рубежом, посвященных творчеству и биографии писателя.

В сущности, вновь состоялось открытие самобытного, оказавшегося очень современным писателя.

Мы, живущие в 21 веке, вновь пытаемся найти ключ к пониманию его произведений и истолкованию этой необычайно сложной натуры.

Часть 1.

«В книжном магазине М. О. Вольфа, в уголке за дверью у самого входа, в обеденные часы, в семидесятых годах часто можно было видеть симпатичного, старика, который, сидя у конторки на высоком табурете, внимательно рассматривал новые книги, поступавшие за неделю в продажу». (С.Ф. Либрович).

Это был Иван Александрович Гончаров.

«Он был очень похож на тогдашние его портреты и смотрел моложе своих лет, седины очень мало ... Чистоплотно и старательно одетый, по тону и манерам не похожий ни на чиновника, чем он долго был, ни на артиста, ни на помещика, а скорее на типичного петербургского жителя, вроде образованного и воспитанного представителя какой-нибудь фирмы...

Профессиональным писателем он совсем не смотрел, и только его разговор, даже касаясь предметов обыденных, ...облекался в очень литературную форму, полон был замечаний, тонко продуманных и хорошо выраженных...». (П.Д. Боборыкин).

«Старый холостяк – он обитает 30 лет в маленькой квартире нижнего этажа, окнами во двор... В ней бывают редкие посетители, но подчас слышится веселый говор и смех детей его умершего слуги, к которым он относится с трогательной любовью и сердечной заботливостью.» (А.Ф. Кони)

«Место в уголке за дверью было любимым местом Ивана Александровича во время частых посещений магазина Вольфа.

- Что новенького у вас из книжек? - спрашивал обыкновенно Гончаров. Вольф перечислял новые книги, добавляя, какие из них больше в спросе.

Гончаров слушал со вниманием и каждый раз искренно радовался, узнавая, что какая-нибудь книжка молодого писателя пользуется успехом.

- Слава Богу!.. Слава Богу! - говаривал он. - Это хорошо, что узнают и признают молодые таланты... Мне все как-то кажется, что теперь и публика не та, и читатели не те...

В то время Гончаров считал свою литературную деятельность совершенно законченной и старался уверить всех, что он перестал писать и перешел в отношении писательства, „на покой“.

- Неужели же в самом деле, Иван Александрович, вы ничего не пишете? – спросил его как-то Майков. Не понимаю!.. Говорят, кто раз начнет писать, у того уже писательский зуд остается до самой смерти...

- Да иной раз и напишешь что-нибудь, - оправдывался Гончаров, - но прочитаешь и сейчас же уничтожишь. Не удовлетворяет меня теперь моя работа, да она и не в духе времени. Если и пишешь что-нибудь, то только для себя, но не для печати...» (С.Ф. Либрович).

А ведь Гончаров «более всего любил перо». В «Необыкновенной истории» он признается: «Писать было моей страстью. Но я служил – по необходимости (да еще цензором, господи прости!), ездил вокруг света – и, кроме пера, должен был заботиться о добывании содержания!».

Строгость по отношению к своим литературным трудам на протяжении всей жизни доводила Гончарова иногда до того, что он уничтожал готовые уже рукописи. Известно, что он уничтожил все свои переводы из Шиллера, Гете и некоторых английских романистов. Корзина для бумаг под письменным столом Ивана Александровича была единственной свидетельницей строгой критики писателя к своим трудам и жестоких над ними приговоров.

Будучи уже известным и признанным писателем, Гончаров высказывал опасения, что его сочинения устарели, что нового, да еще полного их издания не станут покупать.

«Меня пугает мысль, что мои книги будут продавать на бумагу, с пуда или по дешевке на улице... Не хотелось бы дожить до такого срама...» (С.Ф. Либрович).

Часть 2.

Перелистывая страницы биографии Ивана Александровича Гончарова, мы ловим себя на мысли, что все в ней обыкновенно, строго, основательно. Однако в каждом эпизоде жизни Ивана Александровича есть свой непредсказуемый вопрос, недосказанность, своя тайна...

В статье «Нарушение воли» Гончаров пишет: «Писатель по смерти является не в том виде, в каком он хотел явиться в свет, что разные литературные гробокопатели разбирают его по мелочам и нарушают цельность его образа, каким он думал явить себя перед публикой и потомством». Иван Александрович запрещал печатать то, что не напечатал при жизни сам. «Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны...».

Потомки нарушили запрет. Да извинит нас Гончаров – чем дальше, тем большую культурную ценность обретают его письма.

Сетование Гончарова на непонимание его и как человека, и еще более как художника со второй половины 60-х годов все чаще и чаще начинают попадаться в его переписке. Личное одиночество писателя, исключительная сосредоточенность на литературном труде, а также особенности духовной организации и характера писателя, его крайняя впечатлительность, душевная ранимость, внутренняя незащищенность, давали повод формированию в обществе определенного, часто нелестного мнения о Гончарове.

Скрытность писателя и после его смерти продолжала влиять самым отрицательным образом на опубликование новых материалов из его литературного наследия.

Письма его представляют прекрасные образцы эпистолярного рода. Современный человек уже не знает подобных писем.

Вот как Иван Александрович обращался к Толстому: «Добрый, прекрасный, многоуважаемый граф Лев Николаевич». Или вот зачин послания Писемскому: «Я только что из моря вылез, любезнейший Алексей Феофилактович, и дрожащей от холода рукой спешу отвечать на Ваше приятное послание» (Гончаров был превосходным пловцом). Мягко и шутливо выговаривал он Фету, когда Афанасий Афанасьевич не удосужился разборчиво написать имя на конверте: «Это, должно быть, от Фета письмо... – сказал я, прочитавши послание, ... сейчас же сел откликнуться на дружеско - поэтическое приветствие, хотя в то же самое время и мучаюсь сомнением: «Ну, как не от него, а от кого-нибудь другого?... Подпись «А. Фе» – может значить и Фет, и Филиппов, и Филимонов, и просто Фифи-фю-фю!»

Отдельные заметки Гончарова, фрагменты из писем, поныне опубликованных далеко не исчерпывающе, позволяют нам представить себе круг музыкальных склонностей писателя. В него входят имена Моцарта, Бетховена, Россини, Глинки, Доницетти, Верди, Гуно... Можно заключить, что Гончаров видел в музыке как в искусстве, быть может, высшее проявление творческой силы, заложенной в человеке. Отсюда эти удивительные музыкальные метафоры: «Я сажусь за перо и бумагу, как музыкант садится за фортепиано, птица – за свое пение, и играю, пою, т.е. пишу все то, что в эту минуту во мне делается».

Но были и другого рода письма. Известно, что Гончаров женат никогда не был. Вера Чегодаева, жена Николая Гончарова, брата писателя, вспоминала: «Иван Александрович пользовался большим успехом у женщин... Он умел настоятельно и усиленно ухаживать, быть интересным, увлекать своими разговорами, прекрасным чтением и т.п. Но обычно он не доводил своих ухаживаний до конца, какая-то осторожность, недоверчивость к себе и другим удерживала его от того, чтобы сойтись с женщиной или жениться на девушке...».

Елизавету Васильевну Толстую Гончаров знал еще шестнадцатилетней девушкой. Он встречал ее в семье Майковых в начале сороковых годов. В альбомной записи от 1843 года он называет "дорогими" минуты ее пребывания в Петербурге и желает ей "святой и безмятежной будущности".

С тех пор прошло двенадцать лет. Гончаров стал известным писателем. Ему уже сорок три года, но он по-прежнему одинок. И вдруг осенью 1855 года у Майковых снова появляется Елизавета Васильевна Толстая. Ее красота и ум приковывают к ней взоры всех, кто встречается с ней. Но более всех восхищен и поражен этим прекрасным видением Гончаров. Он становится ее страстным и настойчивым поклонником. Письма Гончарова к Толстой - целая повесть любви, страстная исповедь о пережитом, "исповедь души". В своем "ослепительно-прекрасном друге" он видит сочетание всех совершенств: она создана "гармонически прекрасно, наружно и внутренно". Это, по его мнению, "артистически щеголеватое создание", "аристократка природы". "Чистота сердца" сочетается в ней с "возвышенностью характера". "Предо мною, - пишет он, - идеал женщины, и этот идеал владеет мной так сильно, я в слепоте!"

Он шлет ей целую серию писем - вымышленный "роман", - "Pour и contre" - «За и против» (франц.). От третьего лица, своего "друга", Гончаров рассказывает о своей любви, о своих душевных муках. Он любит "горестно и трудно". "Я болен ею, - признается его мнимый друг. - Мне стало как-то тесно на свете жить: то кажется, что я стою в страшной темноте, на краю пропасти, кругом туман, то вдруг озарит меня свет и блеск ее глаз и лица - и я будто поднимусь до облаков".

Но героем романа Елизаветы Васильевны стал другой. 31 декабря 1855 года Гончаров с болью в сердце писал Толстой: "Лучшего моего друга уж

больше нет, он не существует, он пропал, испарился, рассыпался прахом. Остаюсь один я, со своей апатией, или хандрой, ... без "дара слова", следовательно, пугать и тревожить Вас бредом некому".

Иван Александрович тяжело переживал происшедшее. Того участия, которого ему недоставало в жизни, он уж не найдет. Осталась только прежняя дружба с Майковыми, Языковыми, Юнией Дмитриевной Ефремовой. Эта дружба "согревала" художника.

Но пережитая личная драма не убила в Гончарове творческие силы. Он выстрадал ее не только как человек, но и как художник. В минуты творчества образ Елизаветы Васильевны Толстой поможет ему рисовать другой образ - художественный - образ героини романа «Обломов» Ольги Сергеевны Ильинской.

Летом 1857 года Гончаров уехал лечиться на воды за границу - в Мариенбад. Уехал с тяжелым настроением, сказывалась и усталость и моральная неудовлетворенность от работы цензора. Впереди не было светлых надежд, радостных ожиданий.

И вдруг... свершилась перемена. Прорвалось наружу то, что напряженно и мучительно сдерживалось долгое время, - жажда творить.

Интригуя этой "переменой" своего друга Льховского, Гончаров писал ему 15 июля: "Узнайте, что я занят, не ошибетесь, если скажете женщиной: да, ей нужды нет, что мне 45 лет, я сильно занят Ольгой Ильинской... Едва ...избегаю весь Мариенбад..., едва мимоходом напьюсь чаю, как беру сигару - и к ней. Сажу в ее комнате, иду в парк, забираюсь в уединенные аллеи, не надыхнусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести. Тогда уеду с ней во Франкфурт, потом в Швейцарию, или прямо в Париж, не знаю: все будет зависеть от того, овладею я ею или нет. Если овладею, то в одно время приедем и в Петербург: Вы увидите ее и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с нею, или это так, бесцветная, бледная женщина, которая сияет лучами только для моих влюбленных глаз? Тогда, может быть, и я разочаруюсь и кину ее. Но теперь, теперь волнение мое доходит до бешенства: так и в молодости не было со мной... Я счастлив... Женщина эта - мое же создание, писанное конечно, - ну, теперь угадали, недогадливый, что я сажу за пером?"

Роман писался с невероятной быстротой. Сам Гончаров был изумлен результатами своего труда. "Странно покажется, - сообщал он из Мариенбада Ефремовой, - что в месяц мог быть написан почти весь роман: не только странно, даже невозможно, но надо вспомнить, что он созрел у меня в голове в течение многих лет и что мне оставалось почти только записать его...Поэма любви Обломова кончена: удачна ли, нет ли - не мое дело решать...».

Гончаров много раз повторял, что сам чувствует себя Обломовым. Это утверждение писателя было воспринято рядом современников и потомков буквально. Но относительно человека, написавшего «Фрегат Паллада» (для чего пришлось сделать кругосветное путешествие на парусном судне) и давшего превосходные произведения, — это нужно понимать с большими ограничениями.

«У большей части крупных поэтов - скажет Иннокентий Анненский - есть такие типы-ключи: они выясняют нам многое в мировоззрении автора... У Гоголя таким типом-ключом был Чичиков, у Достоевского — Раскольников и Иван Карамазов, у Толстого — Левин, у Тургенева — Рудин и Павел Кирсанов.

Тут дело не в автобиографических элементах, конечно, а в интенсивности душевной работы, отразившейся в данном образе. У Гончарова был один такой тип — Обломов. ... Здесь душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах...».

Часть 3.

(Из финальной части романа «Обломов»)

«Что же стало с Обломовым? Где он? Где? На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой да безмятежно пахнет полынь. Кажется, сам ангел тишины охраняет сон его.

Как зорко ни сторожило каждое мгновение его жизни любящее око жены, но вечный покой, вечная тишина и ленивое переползанье изо дня в день тихо остановили машину жизни. Илья Ильич скончался, по-видимому, без боли, без мучений, как будто остановились часы, которые забыли завести.

Три года вдовеев Агафья Матвеевна... С полгода по смерти Обломова жила она с Анисьей и Захаром в доме, убиваясь горем. Она проторила тропинку к могиле мужа и выплакала все глаза, почти ничего не ела, не пила, питалась только чаем и часто по ночам не смыкала глаз и истомилась совсем. Она никогда никому не жаловалась и, кажется, чем более отодвигалась от минуты разлуки, тем больше уходила в себя, в свою печаль, и замыкалась от всех... Никто не знал, каково у ней на душе...

Вон она, в темном платье, в черном шерстяном платке на шее, ходит из комнаты в кухню, как тень, по-прежнему отворяет и затворяет шкафы, шьет, гладит кружева, но тихо, без энергии, говорит будто нехотя, тихим голосом, и не по-прежнему смотрит вокруг беспечно перебегающими с предмета на предмет глазами, а с сосредоточенным выражением, с затаившимся внутренним смыслом в глазах. Мысль эта села невидимо на ее лицо, кажется, в то мгновение, когда она сознательно и долго вглядывалась в мертвое лицо своего мужа, и с тех пор не покидала ее.

Она двигалась по дому, делала руками все, что было нужно, но мысль ее не участвовала тут. Над трупом мужа, с потерей его, она, кажется, вдруг уразумела свою жизнь и задумалась над ее значением, и эта задумчивость легла навсегда тенью на ее лицо. Выплакав потом живое горе, она сосредоточилась на сознании о потере: все прочее умерло для нее, кроме маленького Андрюши.

Только когда видела она его, в ней будто пробуждались признаки жизни, черты лица оживали, глаза наполнялись радостным светом и потом заливались слезами воспоминаний...

Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда...

Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно. Она так полно и много любила: любила Обломова - как любовника, как мужа и как барина; только рассказать никогда она этого, как прежде, не могла никому. Да никто и не понял бы ее вокруг... Только Илья Ильич понял бы ее, но она ему никогда не высказывала, потому что не понимала тогда сама и не умела.

С летами она понимала свое прошедшее все больше и яснее и таила все глубже, становилась все молчаливее и сосредоточеннее. На всю жизнь ее разлились лучи, тихий свет от пролетевших, как одно мгновение, семи лет, и нечего было ей желать больше, некуда идти.

Только когда приезжал на зиму Штольц из деревни, она бежала к нему в дом и жадно глядела на Андрюшу, с нежной робостью ласкала его и потом хотела бы сказать что-нибудь Андрею Ивановичу, поблагодарить его, наконец выложить перед ним все, все, что сосредоточилось и жило неисходно в ее сердце: он бы понял, да не умеет она и только бросится к Ольге, прильнет губами к ее рукам и залется потоком таких горячих слез, что и та невольно заплачет с нею, а Андрей, взволнованный, поспешно уйдет из комнаты. Их

всех связывала одна общая симпатия, одна память о чистой, как хрусталь, душе покойника...

Однажды, около полудня, шли по деревянным тротуарам на Выборгской стороне два господина; сзади их тихо ехала коляска. Один из них был Штольц, другой - его приятель, литератор, полный, с апатическим лицом, задумчивыми, как будто сонными глазами. Они поравнялись с церковью; обедня кончилась, и народ повалил на улицу; впереди всех нищие. Коллекция их была большая и разнообразная.

- Я бы хотел знать, откуда нищие берутся? - сказал литератор, глядя на нищих.

- Как откуда? Из разных щелей и углов наползают...

- Я не то спрашиваю, - возразил литератор, - я хотел бы знать: как можно сделаться нищим, стать в это положение? Делается ли это внезапно или постепенно, искренне или фальшиво?..

- Зачем тебе? Не хочешь ли писать "Mysteres de Petersbourg"?

- Может быть... - лениво зевая, проговорил литератор.

- Да вот случай: спроси любого - за рубль серебром он тебе продаст всю свою историю, а ты запиши и перепродай с барышом. Вот старик, тип нищего, кажется, самый нормальный. Эй, старик! Поди сюда!

Старик обернулся на зов, снял шапку и подошел к ним...

- Захар! - с удивлением сказал Штольц. - Это ты?

Захар ..., прикрыв глаза рукой от солнца, пристально поглядел на Штольца.

- Извините, ваше превосходительство, не признаю... ослеп совсем!

- Забыл друга своего барина, Штольца, - упрекнул Штольц.

- Ах, ах, батюшка, Андрей Иваныч! Господи, слепота одолела! Батюшка, отец родной!

Он суетился, ловил руку Штольца и, не поймав, поцеловал полу его платья.

- Привел господь дожить до этакой радости меня, пса окаянного... - завопил он, не то плача, не то смеясь.

- Что ты это в каком положении? Отчего? Тебе не стыдно? - строго спросил Штольц.

- Ах, батюшка, Андрей Иваныч! Что ж делать? - тяжело вздохнув, начал Захар.

- Чем питаться? Бывало, когда Анисья была жива, так я не шатался, был кусок и хлеба, а как она померла в холеру - царство ей небесное, - братец барынин не захотели держать меня, звали дармоедом... Попреков сколько перенес. Поверите ли, сударь, кусок хлеба в горло не шел. Кабы не барыня, дай бог ей здоровье! - прибавил Захар крестясь, - давно бы сгиб я на морозе. Она одежонку на зиму дает и хлеба сколько хочешь, и на печке угол - все по милости своей давала. Да из-за меня и ее стали попрекать, я и ушел куда глаза глядят! Вот теперь второй год мыкаю горе...

- Ну, полно, не бродяжничай и не пьянствуй, приходи ко мне, я тебе угол дам, в деревню поедем - слышишь?

— Слышу, батюшка, Андрей Иваныч, да...

Он вздохнул.

— Ехать-то не охота отсюда, от могилки-то! Наш-то кормилец-то, Илья Ильич, — завопил он, — опять помянул его сегодня, царство ему небесное! Этакого барина отнял господь! На радость людям жил, жить бы ему сто лет... — всхлипывал и приговаривал Захар, морщась. — Вот сегодня на могилке у него был; как в эту сторону приду, так и туда, сяду да и сижу; слезы так и текут... Этак-то иногда

задумаюсь, притихнет все, и почудится, как будто кличет: «Захар! Захар!» Инда мурашки по спине побегут! Не нажить такого барина! А вас-то как любил — помяни, господи, его душеньку во царствии своем!

- Ну, приходи на Андриюшу взглянуть: я тебя велю накормить, одеть, а там как хочешь! - сказал Штольц и дал ему денег.

- Ну, ты слышал историю этого нищего? - сказал Штольц своему приятелю.

- А что это за Илья Ильич, которого он поминал? - спросил литератор.

- Обломов: я тебе много раз про него говорил.

- Да, помню имя: это твой товарищ и друг. Что с ним случилось?

- Погиб, пропал ни за что. - Штольц вздохнул и задумался.- А был не глупее других, душа чиста и ясна, как стекло; благороден, нежен, и - пропал!

- Отчего же? Какая причина?

- Причина... какая причина! Обломовщина! - сказал Штольц.

- Обломовщина! - с недоумением повторил литератор. - Что это такое?

- Сейчас расскажу тебе, дай собраться с мыслями и памятью. А ты запиши: может быть, кому-нибудь пригодится... «

Автор «не дает и, по-видимому, не хочет дать никаких выводов ... Ему нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из романа: это уж ваше дело. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора... (Н.А. Добролюбов):

«В наше время, когда человеческое общество выходит из детства и заметно зреет, когда наука, ремесла, промышленность делают серьезные шаги, искусство отставать от них не может. Оно имеет тоже серьезную задачу – это довершать воспитание и совершенствовать человека. Оно так же... учит чему-нибудь, остерегает, убеждает...». Иван Александрович Гончаров.